

Словно божество, низвергнутое с Девяти небес в мир смертных и осквернённое людской грязью.

— Что ты здесь делаешь?

Ин-эр вздрогнула и резко обернулась. Позади неё стоял Ли Хай.

Неизвестно, где носило молодого принца, но он весь взмок от пота и до сих пор тяжело, прерывисто дышал. В свои шестнадцать лет юноша ещё не окреп полностью, но в его осанке уже угадывалась будущая мужская стать — чтобы взглянуть ему в лицо, маленькой Ин-эр приходилось задирать голову.

— Обед принесла, — тихо ответила девочка.

Ли Хай скользнул взглядом по её рукам. Заметив плетёную корзину, он процедил:

— В следующий раз...

Он хотел было приказать, чтобы она сперва докладывала о своём приходе, но вовремя осёкся, вспомнив: в этой глухой усадьбе, кроме него самого, бывала лишь эта девчонка. Кому тут докладывать?

Кивнув на столик, он холодно бросил:

— Ставь туда.

Ин-эр послушно поставила корзину и принялась прибирать со стола грязную посуду, оставшуюся с прошлого раза. Ли Хай, видимо, проголодался: сбросив верхнее одеяние, он сел и сразу потянулся к чаше. Стоя подле него, девочка вспомнила о недавнем и робко предостерегла:

— Ваше Высочество, вам сейчас нужно быть настороже. Хоть Его Величества и Главного советника нет в столице, вам всё же не стоит уходить далеко от дома.

Ли Хай и без того исходил желчью, а эти слова и вовсе вывели его из себя. Разъярившись, он взмахнул рукой и смахнул со стола недоеденный обед. Посуда с грохотом полетела на пол.

— Тварь бессловесная! — рявкнул он. — Ты ли будешь указывать, что делать члену императорского рода?!

Ин-эр не успела отпрянуть — горячая похлёбка выплеснулась прямо на её подол. Горячая

жидкость обожгла кожу сквозь тонкую ткань, на ноге мгновенно проступили пунцовые пятна.

— Из какой канавы Шэнь Чжиюй только вытащил тебя, безмозглую... — Ли Хай продолжал сыпать бранью, как вдруг его взгляд хищно блеснул. Он грубо схватил Ин-эр за предплечье и рванул к себе. — Что ты сейчас сказала? Этот варвар уехал из столицы? Где он? Вместе с Шэнь Чжиюем?

Влажная ткань липла к обожжённой ноге, причиняя резкую боль, но девочка застыла от страха, не смея пошевелиться. В ужасе глядя на Ли Хая, она поняла, что сболтнула лишнее, и судорожно замотала головой:

— Я ничего не знаю!

«Не знает она, как же», — злорадно подумал Ли Хай. Округлившиеся от паники глаза девчонки выдавали её с головой.

Больше он не вымолвил ни слова. Выпустив её руку, юноша тихо, торжествующе рассмеялся.

Ин-эр, забыв о жгучей боли от ожога, поспешно подобрала валявшуюся корзину и опрометью бросилась вон из комнаты.

Проводив её взглядом, Ли Хай поднялся, перешагнул через осколки посуды и разлитую жижу и подошёл к постели. Запустив руку под подушку, он достал узкую полоску ткани. Совершенно обычный лоскут, на котором тушью был выведен всего один иероглиф: «Ян».

С тех пор как до усадьбы долетели слухи, будто новый император-варвар всего за три дня разгромил мятежников из Жёлтых повязок, ярость и зависть грызли Ли Хая без умолку. Он целыми днями пропадал в лесной чаще, иступлённо отрабатывая боевые приёмы, которым его когда-то учили наставники. Иногда мимо усадьбы по тракту тянулись торговые караваны. Тогда он выходил к дороге и покупал у проезжих бурдюк с водой — обычное дело для странников, торговцы не обращали на него внимания, да и знать не знали, кто перед ними.

Но однажды на кожаном боку купленного водоноса он заметил клеймо в виде знака «Ян».

В окрестностях столицы метить свои товары этим именем мог лишь один великий клан.

В последующие дни этот иероглиф то и дело попадался ему на глаза: то на повозках проезжавших купцов, то на тюках с тканями. Словно невидимый покровитель подавал Ли Хаю тайный знак, призывая к действию.

Порой Ли Хаю казалось, что Шэнь Чжиюй искренне печётся о нём. Как-никак, именно Главный советник вырвал его, несчастного выжившего отпрыска прежней династии, из лап кровожадных варваров и уберёг от плахи. Но порой его охватывала глухая обида: Шэнь Чжиюй

держался холодно, отстранённо, точно божество, до которого невозможно дотянуться.

Когда отец-император ещё был жив, Ли Хай часто тайком наблюдал за придворными из укрытия. Главный советник всегда шёл во главе процессии чиновников. Его парадное тёмно-пурпурное одеяние так ослепительно сияло в лучах утреннего солнца, что юноше приходилось щуриться. Шэнь Чжиюй дружески беседовал с наследным принцем, старшим братом Ли Хая, а государь осыпал его милостями и восхвалял за мудрость.

До того как в столице вспыхнул мятеж, взгляд всемогущего канцлера ни разу не задержался на безвестном младшем принце.

Быть может, Шэнь Чжиюй презирал его в глубине души? И выбрал лишь потому, что все остальные наследники погибли, и иного выхода попросту не осталось?

В памяти всплыло бледное лицо матери — наложницы без чина и звания, которая прозябала на задворках гарема. Она часто хватала его за плечи и лихорадочно шептала прямо в лицо:

«Хай-эр! Ты — императорский сын! Твой отец — Сын Неба! Ты ничем не хуже других! Ты равен наследному принцу, равен всем им! Подними голову! Твоя кровь благородна от рождения!»

«Все эти люди — лишь камни на твоём пути. Они — слуги, а ты — господин! Пользуйся ими, они обязаны жертвовать собой ради тебя, и тебе не за что их благодарить!»

Да, всё верно...

Его фамилия Ли. Раз уж Шэнь Чжиюй холоден с ним, к чему унижаться и заискивающе вилять хвостом? Найдётся немало тех, кто с радостью примет его сторону. И не он ведь толкал Главного советника на постыдную связь с этим дикарём.

Непокорных слуг выкидывают за ненадобностью.

И Шэнь Чжиюй — не исключение.

Ли Хай перевёл взгляд на клочок ткани, сорванный с бурдюка. Чернила на знаке «Ян» были свежими, нанесёнными совсем недавно.

Он — принц великой династии, и не станет связывать свою судьбу с одним лишь ненадёжным покровителем.

Ин-эр шла по оживлённой улице, прижимая к груди пустую корзину. Слезы душили её, застилая глаза пеленой.

Ужас сковал её до костей. Девочка не понимала, чему так жутко улыбался Ли Хай, но в этом оскале ей почудилось веяние самой смерти.

Вдруг сквозь шум толпы донёсся знакомый голос.

Остановившаяся у обочины карета приоткрылась, и Вэнь Цзыюань, отодвинув шёлковую занавеску, удивлённо окликнул её:

— Ин-эр? И правда ты! А ну-ка, живо залезай внутрь.

Стоило Ин-эр увидеть молодого господина Вэня, как в её душе вспыхнула робкая надежда на спасение. Она торопливо взобралась на подножку, но, оказавшись в просторном салоне, замерла как вкопанная. Рядом с Вэнь Цзыюанем сидел Елюй Лу — верный соратник и военачальник Юань Чэ.

Вэнь Цзыюань небрежно бросил увесистый кулёк со сладостями на колени Елюй Лу и поспешно достал шёлковый платок, протягивая его всхлипывающей девочке:

— Ну-ну, отчего же эти слёзы? Кто посмел тебя обидеть?

Вэнь Цзыюань лицом и повадками походил на своего кузена, Главного советника Шэня. В полумраке экипажа их и вовсе можно было спутать, да и говорил он так же мягко и заботливо. Услышав его участливый тон, Ин-эр окончательно потеряла самообладание. Вина тяжким грузом легла на её детское сердце. Слезы хлынули градом, и она с глухим стуком упала перед ним на колени.

Помня о присутствии воина-гуйжун, Ин-эр не осмелилась назвать ни одного имени. Она лишь безутешно разрыдалась, шепча сквозь икоту:

— Молодой господин... я... кажется, я навлекла беду...

Той же ночью Юань Чэ бережно перевёз Шэнь Чжиюя обратно в его покои и немедленно приказал лекарю Чжото заново обработать и перевязать его раны.

Поскольку накануне Шэнь Чжиюй сладко выпался прямо на плече Юань Чэ, ночью его сморил лишь чуткий, прерывистый сон.

В его сознание то и дело вторгались зыбкие, сумбурные видения, лишённые всякой логики.

В одном из этих снов Юань Чэ не был рождён в суровых Северных землях и не наследовал Старому волчьему королю. Да и сам Шэнь Чжияй не принадлежал к великому клану Шэнь. Они были обычными безвестными мирянами. Юань Чэ рос несносным, озорным мальчишкой: стоило закончиться занятиям в школе, как он тут же перелезал через забор усадьбы Шэней, донимая его расспросами и упрашивая пойти погулять. Но даже во сне тело Чжияя оставалось хрупким и болезненным, так что он никак не мог поспеть за бурным нравом своего друга.

В другом сне он внезапно перенёсся в своё прошлое воплощение. В самый последний миг придворным лекарям чудом удалось вернуть его с того света.

Двадцатисемилетний Юань Чэ судорожно сжимал его плечи. На лице владыки, привыкшем выражать лишь холодную решимость вершить чужие судьбы, теперь читалось отчаяние. Император не смог сдержать чувств, и горячие слёзы скользнули по его щекам.

Казалось, эти слёзы капали прямо в израненную душу Чжияя.

Император из его прошлой жизни с горечью шептал:

«Почему ты даже не посмотришь на меня? Я так люблю тебя... Почему ты вновь отвергаешь меня?»

С этими словами он резко наклонился и вонзился в его губы требовательным, карающим поцелуем, словно вымещая всю скопившуюся обиду.

Шэнь Чжияй вздрогнул и проснулся в холодном поту. Сердце бешено колотилось в груди. Свернувшись калачиком под одеялом и обхватив голову руками, он так и пролежал без сна, пока первые лучи солнца не окрасили горизонт.

Он вспомнил свои недавние попытки прощупать почву и то, как странно вёл себя Юань Чэ в последние дни...

«Только бы не это... — тоскливо подумал он. — Иначе всё запутается окончательно».

На этот день в полдень было назначено судебное разбирательство.

Едва солнце достигло зенита, двое воинов-гуйжун с лязгом отперли тяжёлые двери темницы.

Место суда выбрали в самом сердце столицы царства Ли — на оживлённой площади, где нескончаемым потоком бурлила толпа. Шэнь Чжияй устроил это умышленно. Он намеревался превратить это судилище в искру, которая столкнёт лбами все противоборствующие силы и

разожжёт в царстве Ли пожар великой смуты.

Лишь пройдя через это очистительное пламя, угасающая Великая Чу сможет возродиться и обновить свою кровь.

Облачённый в простую серо-белую робу узника, Шэнь Чжияй шёл с распущенными волосами, едва перехваченными тонкой вервицей на самом конце. Тяжёлые деревянные колодки сковывали его тонкие запястья перед грудью. Рана на ноге не затянулась, и каждый шаг давался ему с трудом. Подгоняемый грубыми толчками конвоиров-гуйжун и провожаемый сотнями потрясённых обывательских взглядов, он медленно двигался к помосту среди площади.

В глазах толпы он казался божеством, которое низвергли с Девяти небес на грешную землю, чтобы подвергнуть бесчестию.

<http://bllate.org/book/20512/2131904>